

съ грандіозною природою, вдали отъ всей суеты и скверны житейской. Хоть на минуты становишься дѣйствительно духовнымъ существомъ, отрываешься отъ обыденныхъ мелочныхъ помысловъ и стремленій...

Солнце быстро пригрѣваетъ. Необходимо снять теплую рубашку, далеко нелишнюю въ прохладное, часто здѣсь даже морозное, утро. Остаешься въ одной парусинной блузѣ и послѣ отдыха снова лѣзешь въ горы. Опять начинается осматриваніе скалъ и ущелій, то простымъ глазомъ, то въ бинокль; опять сотни разъ дѣлается все это даромъ. Но вотъ въ сосѣдней розсыпи зашумѣли и покатались внизъ камни.... Мигомъ настораживаешься въ ту сторону, всматриваешься, но ничего еще не видишь; камни же продолжаютъ катиться внизъ съ небольшими перемежками. Несомнѣнно, ихъ сбрасываетъ ногами убѣгающій звѣрь, котораго не видно среди громадныхъ гранитныхъ обломковъ. Темно-сѣрая, какъ разъ подъ цвѣтъ горныхъ породъ, окрашенная шкура не выдаетъ куку-ямана даже тамъ, гдѣ онъ и открывается глазу охотника, поэтому нерѣдко звѣрь уходитъ даже незамѣченнымъ. Только иногда, уже много спустя, замѣтишь далеко на вершинѣ скалы его стройную фигуру и еще болѣе пожалѣешь о своей неудачѣ. Въ лучшемъ случаѣ, если и придется выстрѣлить, то обыкновенно далеко. Сдѣланный промахъ обиденъ еще тѣмъ, что гуль выстрѣла, съ перекатами разносящійся по ущельямъ, пугаетъ всѣхъ окрестныхъ звѣрей.

Ходьба по каменнымъ розсыпямъ, каковыми усѣяны всѣ горы верхняго пояса Нанъ-шаня, въ буквальномъ смыслѣ, адская. Тамъ, вверху, въ сосѣдствѣ вѣчныхъ снѣговъ, эти розсыпи обыкновенно состоятъ изъ крупныхъ гранитныхъ обломковъ. Словно искусственно наколоты такія плиты, величиною каждая въ нѣсколько десятковъ кубическихъ футовъ. И лежатъ здѣсь эти глыбы сотни, тысячи лѣтъ, дожидая своей очереди скатиться внизъ, разбиться на куски, измельчать, истереться въ пыль... Трудность ходьбы увеличиваетъ еще и громадная высота. Въ разрѣженномъ воздухѣ чувствуется, въ особенности съ непривычки, одышка и какая-то особенная усталость. Черезъ каждую сотню шаговъ останавливаешься вздохнуть на минуту-другую, иногда же и присядешь на болѣе удобномъ мѣстѣ. Набѣжитъ облако—область сырости; дунетъ вѣтеръ со снѣговъ—станетъ холодно. Но не знаетъ и не долженъ знать охотникъ простуды. Полѣзешь вновь по камнямъ и живо снова согрѣешься.

Между тѣмъ время близится къ полудню. Залегли накормившіеся звѣри и смолкли уллары, неумолкаемо кричавшіе все утро по розсыпямъ. Пора возвратиться къ бивуаку. Присядешь еще разъ, еще разъ